

О. В. Изотова, М. П. Жук

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ В БЕЛОРУССКИХ И НИДЕРЛАНДСКИХ ПОСЛОВИЦАХ: СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ

Время является фундаментальной категорией бытия, которая охватывает все сферы жизни и деятельности человека и лежит в основе научной и языковой картин мира. Время является предметом исследований различных частных наук, поэтому мы можем говорить о времени физическом, биологическом, астрономическом, языковом и т. д. и о соответствующих им картинах мира (КМ).

В сознании человека сосуществуют два представления о времени – время как последовательность повторяющихся однотипных событий, «жизненных кругов» (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). В основе общеязыковой картины мира лежит циклическая модель времени, четкое разграничение прошлого, настоящего и будущего связано скорее с линейной моделью времени.

В целом, время, в представлении белорусов и нидерландцев, было неоднородным и разнокачественным: праздничным и повседневным, «хорошим» и «плохим»: *Na lijden verblijden.* – ≈ После страдания радость. *Na regen komt zonneschijn.* – ≈ После дождя – светит солнце. (Толкование: *Na slechte tijden komen meestal weer goede tijden.* – После плохих времен обычно снова наступают хорошие времена). *Дай божа ў добры час сказаць, а ў ліхі (нядобры) памаўчаць. У добры час сказаць, а ў ліхі прамаўчаць.*

Циклическое восприятие времени (в отличие от линейного) объясняется, прежде всего, тесной зависимостью земледельца от природных ритмов (смены времен года), что делает не вполне актуальным как прошлое в его исторической ретроспективе, так и будущее: *Geen zorgen voor morgen, elke dag heeft genoeg aan zijn eigen kwaad.* – Не беспокойтесь о завтрашнем дне, каждый день не без проблем. *Не адкладвай назаўтра, што можна зрабіць сягоння.*

В мировоззрении белорусов и нидерландцев категории «прошлое» и «настоящее» не равнозначны. Для них историческое время не просто хронологический порядок событий, а скорее коллективная память, проникнутая мифическим временем. В белорусской традиции мифическое время часто представлено как «золотой век», когда мир был идеальным и присутствие Бога ощущалось повсюду. Однако нарушения этических норм привели к концу этой эпохи (*За пыха бог з неба спіха*). Нидерландские пословицы отражают субъективное восприятие прошлого и настоящего (*Vroeger, toen kraaiden de hanen nog. Tegenwoordig gapen ze alleen nog maar, zei de dove.* – Раньше петухи пели, а теперь только зевают, – сказал глухой), подчеркивая, что изменения не всегда воспринимаются как улучшение (*Vroeger was alles beter.* – ≈ Раньше все было не так, как сейчас). Мифическое прошлое часто трансформируется и переосмысливается в белорусской культуре (*Мінуў той час, што з мёдам варыў квас*). Тем не менее, временная отдаленность этого мифического прошлого весьма условна, поскольку ритуальные образцы, созданные «давным-давно», каждый год воссоздаются посредством календарных обрядов.

В соответствии с представлениями белорусов и нидерландцев, существование во всей своей полноте разворачивается в пределах текущего года или дня, вобравшего в себя мифическое прошлое (как повторение прототипа) и будущее. Время и собственно человеческий «возраст» имеют циклический характер, при этом личное время и календарное (коллективное) время максимально взаимосвязаны и взаимообусловлены (рождение, юность, зрелость, старость и смерть символически тождественны весне, лету, осени и зиме): *Ook de herfst heeft zonnige dagen.* – И осенью бывают солнечные дни. (Толкование: *Ook oudere mensen kunnen genieten.* – И люди старшего возраста могут хорошо проводить время). *Не поле родзіць, а лета.*

В целом, хотя большую часть белорусского и нидерландского народного календаря составляли христианские праздники, само понимание праздника оставалось глубоко мифологическим. Прежде всего это проявляется в том,

что праздник является важнейшим моментом стабилизации мироздания, преодоления критических (пограничных) моментов существования и служит своеобразным космическим мостом между «старым» и «новым» во времени и пространстве (У. А. Лобач, 2003). Для праздника, как сакрального периода времени, характерен также запрет (полный или частичный) на хозяйственный, исключительно утилитарный труд. Если же имели место нарушения (работа в праздник, неучастие в ритуале и т. п.), считалось, что это обязательно ведет к негативным изменениям в личной судьбе: *Zondags steek (стежок) houdt geen week.* – *≈ Воскресный стежок не впрок. Кто ня выйдзе на Купалу, хай ляжыць калодаю дубоваю.*

Архаическое восприятие времени проявляется также в традиционных представлениях о жизненном периоде человека, который рассматривается как неотъемлемая часть его судьбы. Этот хронометрический аспект судьбы определяется Богом уже в момент нашего рождения (*Reeds bij onze geboorte komt de dood ons aan boord.* – *Смерть приходит к нам уже при нашем рождении. Die geboren is voor de galg, verzuipt niet. = Die tot de galg geboren is, verdrinkt niet.* – *Рожденный для виселицы не утонет. Каму суджана вісець, той не ўтоніцца*). Пословицы иллюстрируют эту идею, подчеркивая неизбежность смерти (*Pietje de dood maait altijd.* – *≈ Смерть всегда косит. (Толкование: Doodgaan is onvermijdelijk. – Смерть неизбежна). Кто жыве, уміраць мусіць*) и предопределенность определенных событий в жизни человека (*Niemand zal zijn trouw- of sterfdag ontlopen.* – *Брака и смерти не избежать*).

Белорусские и нидерландские пословицы выражают скептическое отношение к молодости, представляя её как период неопределённости и неуверенности (*Half wijs, half mal, dat past de jeugd wel.* – *Наполовину умен, наполовину хорош, таково определение юности. Маладосць – буйнасць, а буйнасць – дурасць*). Однако они также подчёркивают, что выбор, сделанный в молодости, может оказать влияние на последующую жизнь (*Jong geleerd, oud gedaan.* *≈ К чему в юности привык, то в старости сделал. Кто да чаго прывыкне замоладу, то і на старасць не пакіне*). В то же время, существуют исключения, когда человек меняет своё поведение или образ жизни в более зрелом возрасте (*Jong een hoer, oud onder de preekstoel.* – *≈ В юности – разгульная жизнь, в старости – церковная кафедра. Замолада дурань, пад старасць мудр*).

Из анализа белорусских и нидерландских пословиц о смерти можно выделить общие темы: неизбежность смерти и её непредсказуемость, а также связь между образом жизни и образом смерти (*Wie bang leeft, gaat ook bang dood.* – *Тот, кто живет в страхе, умирает в страхе. Якое жыццё, такая смерць*). Несмотря на отсутствие прямых аналогов для некоторых пословиц, они все вместе формируют сложное представление о финальном акте жизни и его непредсказуемости (*De dood heeft geen kalender.* – *У смерти нет календаря. (Толкование: Iedereen kan elk moment sterven. – Каждый может умереть в любой момент). Смерць і радзіны не глядзяць аніякай гадзіны*).

Изучение паремий белорусской и нидерландской коммуникативных культур позволило также выявить некоторые особенности вербализации представлений о времени (темпоральные компоненты *день, ночь, зима, смерть*):

– Отсутствие в белорусской языковой картине мира паремий, в соответствии с которыми нам нелегко смириться с ограничениями постного дня: *Eén vastendag maakt drie gulzige maaltijden.* – $\approx$ *Один день постишься, другой – отрываешься.* (Толкование: *Soms reageren mensen niet goed op restrictie.* – *Иногда мы плохо реагируем на ограничения*).

– Отсутствие в белорусской ЯКМ пословиц, в соответствии с которыми теплые зимы часто вызывают больше смертей, чем суровые: *Zachte winters, vette kerkhoven.* – *Мягкие зимы, много покойников.*

Нидерландские пословицы отличает также вербализация представлений, согласно которым “*De nacht heeft oren.* – *У ночи есть уши*” и “*Als de nood overwonnen is, volgt de dood.* – $\approx$ *Смерть приходит, когда нужда побеждена*”.